

Григорьева Анна Германовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры гражданского
и гражданско-процессуального права
Кубанского социально-экономического института
anna2523@rambler.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ СССР В 1953–1964 ГГ.

Аннотация:

Автор акцентирует внимание на том, что вопрос о необходимости преобразований после смерти И.В. Сталина возник именно в кругах высшего партийного руководства, а не в среде общественности, которая летом 1953 г., в силу психологической инертности, еще не была готова к любым формам протеста.

Ключевые слова:

государственная политика, СССР, Н.С. Хрущев, Г.М. Маленков, коммунистическое строительство.

Grigoryeva Anna Germanovna

Candidate of History,
associate professor of the chair of
civil and civil and procedural law,
Kuban Social Economic Institute
anna2523@rambler.ru

FORMATION OF STATE POLICY OF USSR IN 1953–1964

The summary:

The author focuses the attention that the question on necessity of transformations after I.V. Stalin's death has arisen in circles of the higher party management, instead of in the environment of the public which in the summer of 1953, owing to psychological inertness, was not ready yet to any forms of the protest.

Keywords:

state policy, USSR, N.S. Khrushchev, G.M. Malenkov, communistic building.

Окончание эпохи правления многолетнего харизматического лидера страны неизбежно повлекло за собой комплекс существенных изменений как в массовом сознании советского общества, так и в повседневной жизни городского и сельского населения страны. Смерть И.В. Сталина, олицетворявшего собой не только власть, но и целостную систему жизненно значимых ценностей, воспринималась подавляющим большинством как крушение этой системы, за которым должны были последовать неизбежные и исключительно негативные последствия. Именно поэтому советский социум первой половины 1950-х гг., стесненный в социальном, бытовом и материальном отношении, после марта 1953 г. находился в состоянии ожидания еще больших катаклизмов и экономических трудностей.

Политическая пропаганда 1950-х гг., состоявшая из ряда логически неоспоримых тезисов, утверждала, что советское общество является социалистическим и потому пребывает в переходном состоянии. Ориентация на коммунистическое будущее позволяла пренебрегать насущными, прежде всего материальными, потребностями современности. «Ныне главные задачи КПСС, – утверждалось в уставе партии, принятом в октябре 1952 г., – состоят в том, чтобы построить коммунистическое общество путем постепенного перехода от социализма к коммунизму». Наиболее характерной чертой советской системы, позволявшей направлять и контролировать общественное развитие и массовое сознание является комплекс перспективных ожиданий.

В середине 1950-х гг. наиболее распространенными в повседневной жизни были представления о том, что в социальной сфере экономические различия между людьми уходят на второй план. Все граждане находились на службе у государства, трудились ли они на предприятиях, в совхозах, либо в колхозах, также действующих в рамках единой плановой и административной системы. Поскольку частный интерес подчинялся общему, то государство могло оправданно производить изъятие на социальные нужды части зарплаты в виде принудительных займов (как правило, 1/10 – 1/12 часть годового заработка), мобилизовать взрослое население на лесоразработки, а юношей в ремесленные училища, прикреплять работников к предприятиям во имя производственной необходимости [1, с. 19–20]. Общая зависимость от государства и степень уравнительности были таковы, что, по мнению иностранных наблюдателей, люди 1950-х гг. были похожи даже по внешности.

Вопрос о необходимости экономических преобразований после смерти И.В. Сталина возник именно в кругах высшего партийного руководства, а не в среде общественности, которая летом 1953 г., в силу психологической инертности, еще не была готова к любым формам протеста. На четвертой сессии Верховного Совета СССР 15 марта 1953 г. в докладе Г.М. Маленкова было официально заявлено, что «законом для нашего правительства является обязанность неослабно заботиться о благе народа, о максимальном удовлетворении материальных и культурных потребностей» [2]. Предпринятые действия, как показало исследование, носили пре-

имущественно политический, во многом популистский характер, однако именно эти меры долго и с благодарностью вспоминались населением, поскольку впервые за долгие годы в стране наметились новые приоритеты социального развития.

Впервые власть официально признала, что приусадебное хозяйство крестьянина и рабочего провинциальных городов являлось главным источником поддержания собственного существования и источником снабжения сельскохозяйственной продукцией значительной части населения страны. Большое значение имело то, что государство реально оценивало состояние сельского хозяйства, его низкий уровень развития. Явным политическим новаторством Н.С. Хрущева стали официальные признания о том, что заявления о разрешении зерновой проблемы были лживыми. Столь смелое и нетипичное для советского руководителя заявление говорит о качественно ином отношении нового руководства к советскому обществу.

С середины 1950-х гг. началась реализация широкой программы повышения зарплаты: в 1961 г. по сравнению с 1950 г. она возросла в 1,3 раза, а с учетом выплат и льгот из общественных фондов потребления – в 1,35 раза. Общее число рабочих и служащих возросло с 40 до 62 миллионов человек. В 1950-х гг. наблюдается рост промышленного производства и увеличение государственных доходов за счет налога с оборота, а также роста цен на продукты питания и товаров народного потребления. Рост цен происходил систематически и параллельно росту номинальной заработной платы и оплаты коммунальных услуг. В июле 1956 г. была введена новая система пенсионного обеспечения, которая привела к существенному возрастанию размера пенсии. Пенсии зависели от стажа работы и возраста трудящегося. Устанавливался один из минимальных в мире возрастной ценз для получения пенсии – для мужчин 60 лет при стаже работы в 25 лет, для женщин – 55 лет при стаже работы в 20 лет. Исключительное значение, по нашему мнению, имело то, что впервые в стране устанавливались государственные пенсии для колхозников. Для них вводился более высокий возрастной ценз – мужчины в возрасте от 65 лет и женщины – от 60 лет, но лишь в том случае, если они продолжали работать в колхозах. Проявляя видимую заботу о людях, государство и здесь переложило ответственность за выплату пенсий на плечи самих колхозов.

Анализ комплекса партийно-государственных документов показал, что Н.С. Хрущев и его окружение стремились не только «обеспечить населению достойные условия существования», но добиться того, чтобы человек получил их из рук государства. Помещенная в сеть идеологических координат социальная политика лишалась своих экономических корней. Она превращалась в особый род государственной благотворительности, снисходящей сверху на все население, или на какую-то его часть, например, молодежь.

В то же время наступившая эпоха принципиально отличалась от предыдущего периода своей ориентацией на человека и его потребности. После XX съезда КПСС в апреле 1956 г. правительство отменило известный закон 1940 г. о прикреплении рабочих к производству и о суровых наказаниях за прогулы и опоздания. Трудящимся предоставлялось право самостоятельно (при определенных формальностях) менять место работы. В сентябре 1956 г. был законодательно установлен минимум заработной платы, рабочая неделя сократилась на 2 часа, оплачиваемый отпуск по беременности и родам увеличился с 70 до 112 дней.

Впервые после НЭПа государство сделало ряд реальных шагов навстречу сельскому населению страны, в деревне было решено ослабить давление на колхозников – снижались сельхозналоги, увеличивались размеры приусадебных хозяйств, повышались закупочные цены, причем существенно – на мясо в 5,5 раза, молоко и масло – в 2 раза, зерно – на половину, давались государственные дотации на выпуск ширпотреба. Эта линия открывала перспективу возможной интенсификации производства на базе возрастания (но и всячески ограничиваемой) материальной заинтересованности в труде, в результате чего уже в первой половине 1953 г. производительность труда возросла на 62 %, материалоемкость снизилась на 5 %. В то же время, исходя из перспектив коммунистического строительства, в 1959 г. на декабрьском пленуме ЦК КПСС был сделан вывод о том, что «личное подсобное хозяйство будет постепенно утрачивать свое значение», так как, по мнению руководства, колхозникам выгоднее получать продукты из колхозов. Это означало по существу новое наступление на подобное хозяйство. Государственным органам поручалось за 2–3 года скупить скот у рабочих совхозов и рекомендовать колхозам принять аналогичные меры.

Непоследовательность государственной политики и нестабильность роста народного благосостояния в сочетании с ослаблением идеологического давления способствовали сначала робкой, а затем и более радикальной критике правительственного курса. В ряде городов страны прошли серьезные волнения. Подавляющее число выступлений обуславливалось экономическими причинами и было связано с неспособностью правительства удовлетворять возросшие материальные потребности людей. С начала 1960-х гг. стали падать темпы роста экономики страны,

уменьшилась валовая продукция промышленности. В кризисном состоянии оказалось и сельское хозяйство. Массовый забой скота привел к резкому сокращению его поголовья, а целина не могла решить задачу стабильного обеспечения населения хлебом. В то же время предпринятое Хрущевым под влиянием идеологических догм дальнейшее «раскрестьянивание» села, то есть ликвидация мелкого крестьянского хозяйства, лишило страну важнейшего источника поступления продовольствия, недостаток которого она ощутила в полной мере в 1962–1963 гг. И как следствие этого, с 1963 г. пришлось обратиться к практике закупки хлеба за границей.

В итоге всех этих негативных явлений произошло замедление темпов роста национального дохода и фонда потребления, разбалансирование доходов населения с товарными ресурсами. Особенно остро реагировали трудящиеся на повышение цен на ряд продуктов питания в 1962 г. К этому времени тот психологический эффект, который дала денежная реформа 1961 г. (когда товары и продукты стали с десятков рублей стоить единицы, впрочем, и зарплата была приведена в адекватные новым ценам размеры) полностью исчерпал себя. Не подкрепленный новыми технологиями, изменениями образа жизни простой рост цен вызывал раздражение и недовольство различных социальных слоев.

Несогласие проявило себя в самом широком диапазоне: от «антисоветских» высказываний и распространения листовок до забастовок и восстаний в Темир-Тау (октябрь 1959 г.) и Новочеркасске (июнь 1962 г.). Только за июнь 1962 г. из партийных и советских учреждений, редакций газет и журналов в органы КГБ было передано свыше 300 анонимных писем с выражением крайнего недовольства жизненным уровнем трудящихся. Проведенный анализ «обывательских» суждений позволил составить общую картину настроений простых людей. Наиболее распространенными были требования возврата к прежним ценам, удовлетворения насущных потребностей трудящихся, критика ликвидации личного скота и приусадебных участков у колхозников. Часто встречались «пожелания» снижения оплаты государственной и партийной номенклатуре, отказа от разоряющей страну помощи слаборазвитым и социалистическим странам, угрозы в адрес Н.С. Хрущева.

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. в целом значительно расширились социальные возможности рабочих и служащих в области образования, здравоохранения, жилья, потребления более ценных продуктов питания и предметов домашнего обихода. То, что прежде составляло привилегии номенклатуры и приближенной к ней «рабочей аристократии», теперь стало более доступным для самых широких слоев городского населения. Однако в обществе, где справедливость означала равенство, социальная политика власти порождала неизбежное недовольство населения. Именно оно, по мнению автора, и стало причиной относительного безразличия общества к самому факту снятия Н.С. Хрущева с занимаемой должности.

Вопреки ожиданиям лидеров государства и широких слоев населения уровень жизни повышался медленно, хотя во второй половине 1950-х гг. даже скромное повышение благосостояния было ощутимым по сравнению с прошлым. В народную жизнь вошла сложная современная техника, а также ранее недоступные блага – наручные часы, фотоаппараты, товары для дома, радио, а затем и телевизоры, составлявшие обыденный, привычный элемент повседневного быта, а не элемент быта небольшого меньшинства, какими они были еще четверть века назад.

В то же время в работе показано, что основной и наиболее характерной чертой повседневности советского общества в исследуемый период и развития страны в целом являлась нехватка жилья. До середины 1950-х гг. широко известные коммуналки являлись единственным средством решения жилищного вопроса в условиях массовой миграции населения из деревни в город. Новое руководство уделяло этой проблеме особое внимание и уже к концу 1950-х гг. жилищное строительство существенно возросло. Стала поощряться организация жилищных кооперативов на весьма льготных для населения условиях. Значительно увеличилось строительство жилых домов городскими властями, предприятиями и министерствами. С 1950 по 1964 гг. городской жилищный фонд страны увеличился с 513 до 1 182 миллионов кв. метров или в 2,3 раза. Если в 1951–1956 гг. жилищные условия улучшили 38,4 миллиона человек, то в 1957–1961 гг. – уже 57,7 миллиона. В 1956–1960 гг. было введено в строй жилья почти в 2 раза больше, чем в предыдущей пятилетке.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что, если в 1950 г. на одного человека в городах приходилось в среднем 7 кв. м. жилой площади, то в 1958 г. уже 8,7 кв. м. Несмотря на то, что с 1940 по 1965 гг. городское население увеличилось на 93 %, обеспеченность жилой площадью в расчете на одного человека повысилась за это время в среднем с 6,6 кв. м. до 9,7–9,8 кв. м. В то же время качество возводимого жилья было низким, лишь острая необходимость оправдывала методы власти.

Исследование массовых настроений горожан показало, что в начале 1960-х гг. основное недовольство было связано с ростом цен на товары и услуги, хотя в исследуемый период госу-

дарство всеми мерами стремилось сдерживать инфляционные тенденции. Для новых лидеров эта мера была необходима, по крайней мере, для сохранения собственного авторитета в глазах народа. Некоторое подорожание жизни компенсировалось увеличением заработной платы. Уже опробованный путь скрытия инфляционных процессов состоял в обмене денег, в проведении денежной реформы, которая и состоялась в 1961 г. Формально произошел обмен старых банкнот на новые по соотношению 10:1 и при пропорциональном изменении цен и заработной платы. Однако покупательная способность граждан постепенно падала, особенно негативно обмен денег сказался на рыночных ценах на продукты питания. Показательно, что значительную часть вырученных реформой средств государство направляло развивающимся странам социалистического лагеря, в связи с чем, например, среди московских рабочих распространялись следующие высказывания: «Наше правительство раздает подарки, кормит других, а сейчас самим есть нечего».

Несмотря на подобные высказывания, надо отметить, что на рубеже 1950–60-х гг. уровень жизни населения в целом повысился. Существенное значение в бюджете семей имели выплаты и льготы из общественных фондов потребления – бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное обучение, различные виды пенсий и пособий. Эти выплаты, например, в 1960 г. составили 27,3 миллиарда рублей, то есть были почти в 6 раз больше, чем в 1940 г. Таким образом, в послесталинское десятилетие правительство стремилось улучшить жизненный уровень трудящихся, пенсионеров, колхозников. Массовое недовольство граждан, скорее, вызывала ощутимая социальная несправедливость, те особые привилегии, которые имели работники партийного и государственного аппарата. Хрущев явно не обладал тем необходимым для послесталинского руководителя комплексом харизматических черт, в которых нуждалось централизованное под единым началом общество. Для большинства он ассоциировался скорее с типичным аппаратным работником, нежели с лидером сверхдержавы, какой являлся СССР в 1950-е – 1960-е гг.

В 1950–60-е гг. экономический приоритет города перед деревней стал особенно заметным. В соответствии с этим отношение сельского и городского населения к правительству также было различным, что наиболее ярко отразилось и в письмах граждан в официальные партийные органы. Например, характерно письмо колхозницы Н.К. Фоминой, в котором указывалось на то, что, отбирая огородные участки, власть лишает крестьянство «источников жизни» [3].

В то же время надо признать некоторые позитивные результаты аграрных преобразований, к числу которых относится существенное увеличение потребления продуктов питания жителями города и села. Так, довоенный уровень питания в семьях колхозников по наиболее калорийным продуктам был заметно превзойден уже к середине 1950-х гг., а в 1958 г. по сравнению с 1940 г. они потребляли в 6 раз больше сахара, в 3 раза больше кондитерских изделий и рыбных продуктов, в 2 раза больше мяса.

В социально-психологическом отношении российская деревня 1950-х–1960-х гг. представляла собой любопытный и малоизученный сплав архетипов патриархального и индустриального общества. В сельском быту и на колхозном поле часто соседствовали примитивные орудия труда с новой сельхозтехникой, зачастую не имевшей аналогов за рубежом. В директивных документах предписывалось: «Обязать местные советские и сельскохозяйственные органы обеспечивать скот рабочих и служащих выпасами и сенокосными угодьями». В то же время правительство опасалось роста «частнособственнических» и «мелкобуржуазных» проявлений со стороны крестьянства.

Заметное позитивное влияние на уровень жизни колхозного крестьянства оказал новый курс Г.М. Маленкова, который, по сути, предусматривал децентрализацию управления сельским хозяйством, в том числе и развитие экономической самостоятельности колхозов. Новое руководство страны допустило развитие несоциалистических форм хозяйствования в аграрном секторе, тем самым на время частично свернуло монополию социалистических институтов в регулировании и организации производительной деятельности. Эта мера диктовалась сугубо экономическими условиями: необходимостью увеличить продуктивность сельского хозяйства в связи с тем, что колхозы и совхозы с этой задачей справиться не могли. Совместное сосуществование двух хозяйственных укладов (частного и коллективного) сразу породило конфликт интересов, поскольку колхозники, получившие возможность трудиться на себя, теперь нуждались в дополнительных стимулах, чтобы трудиться на общественных работах. Именно этим и объясняется отказ Н.С. Хрущева от продолжения политики «нового курса».

В заключении надо сказать, что на рубеже 1950–60-х гг. сельскохозяйственное производство, как по объективным, так и по субъективным причинам, все больше отставало от требований времени, а зерновая проблема, о решении которой Хрущев опрометчиво объявил в конце 1958 г., вновь обострилась. В начале 1960-х гг. в ряде регионов страны возник и стал углубляться продовольственный кризис. Только в конце 1963 – начале 1964 гг. Хрущев осознал, что из тупиков аграрной политики можно выйти только на основе возвращения к курсу сентябрьско-

го пленума 1953 г. Не случайно в своих последних политических выступлениях, он подчеркивал большое значение постановлений 1955 и 1956 гг. о введении нового порядка планирования и расширении прав колхозников.

В советском образе жизни было много негативного, порожденного уравнильностью, бедностью, небывалой идеологической и административной ролью государства. Вместе с тем появилось немало новых позитивных черт, обусловленных стремлением укрепить коллективизм, повысить образовательный и культурный уровень населения, включить его в общественную жизнь.

Ссылки:

1. Указ о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений // Лейбович О. Россия. 1941–1991. Хрестоматия. Пермь. 1993.
2. Известия. 1953. 1 апреля.
3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 129. Л. 8.

References (transliterated):

1. Ukaz o zapreshchenii samovol'nogo ukhoda rabochikh i sluzhashchikh s predpriyatiy i uchrezhdeniy // Leybovich O. Rossiya. 1941–1991. Khrestomatiya. Perm'. 1993.
2. Izvestiya. 1953. April 1.
3. RGASPI. F. 17. Op. 1. D. 129. L. 8.